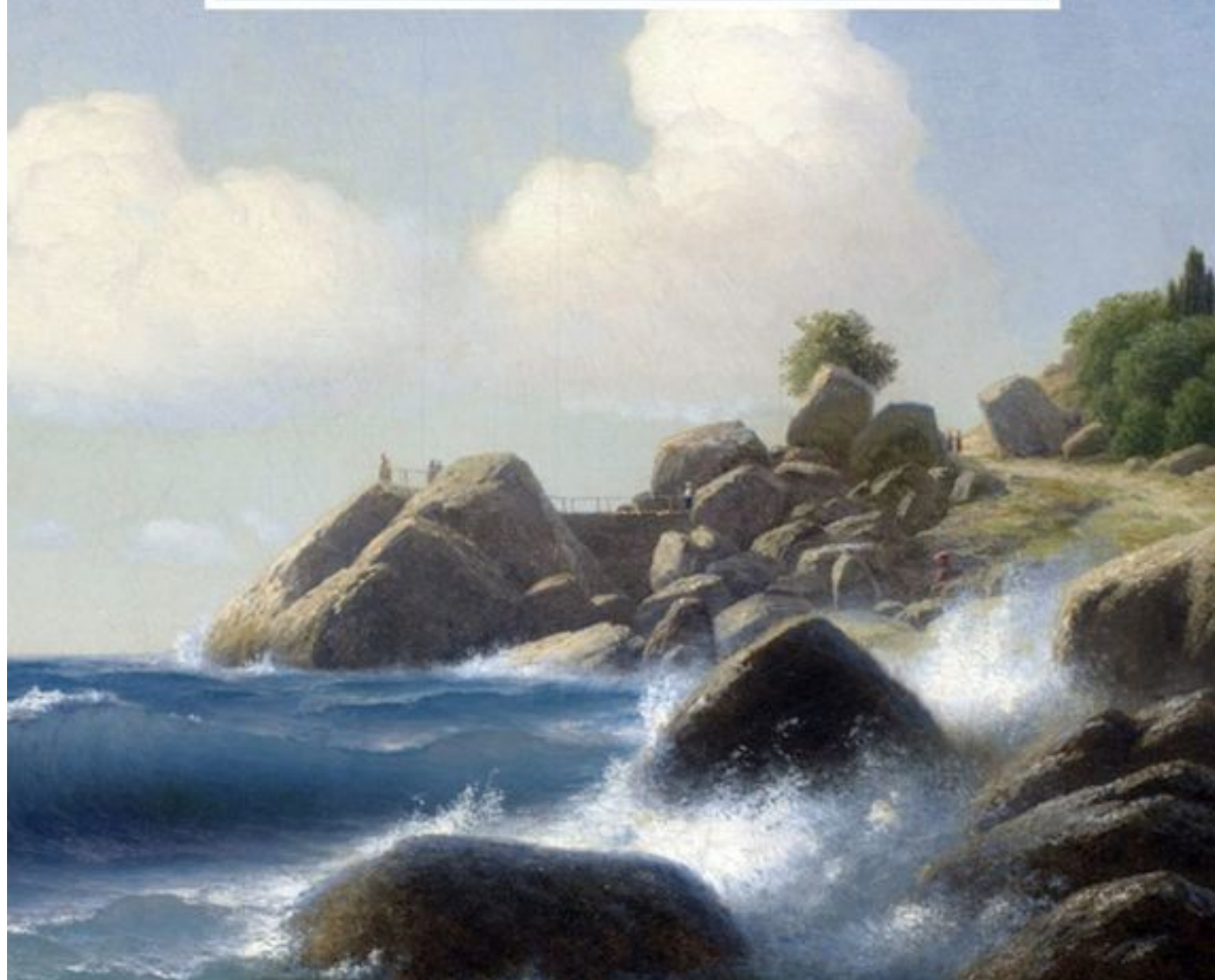

ЮРИЙ ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

ВЕБСИК

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ.
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Юрий Грум-Гржимайло

**Вебсик. История первая.
Испытательный срок**

«Издательские решения»

Грум-Гржимайло Ю.

Вебсик. История первая. Испытательный срок / Ю. Грум-Гржимайло — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901178-7

Действие фантастического сериала происходит на Земле в середине 23 века. Перед нами – дневник Юрия Кивина, две недели из его насыщенной событиями жизни, которая началась с покупки старого дома в посёлке Загорный, недалеко от аномальной зоны. Она вдруг атакует посёлок и дом Кивина оказывается в изоляции. Дружба, любовь, и контакт с невероятным существом из энергоинформационного мира – Вебсиком – помогают героям в сложных ситуациях. Издание 2-е, иллюстрированное, исправленное и дополненное.

ISBN 978-5-44-901178-7

© Грум-Гржимайло Ю.
© Издательские решения

Содержание

Так всё началось...	6
День первый	11
День второй	19
День третий	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ВЕБСИК

История первая. Испытательный срок

Юрий Грум-Гржимайло

Иллюстратор Юрий Грум-Гржимайло

© Юрий Грум-Гржимайло, 2017

© Юрий Грум-Гржимайло, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1178-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Так всё началось...

Дорогой читатель!

Я долго сомневался, стоит ли предавать гласности эту историю. Что-то я уже подзабыл, поэтому мне пришлось отыскать кристалл записи домашней хроники и буквально по шагам заново всё пережить. Я не писатель, сразу говорю, хотя в те времена я серьёзно хотел уехать в тихое место и написать книгу, только совершенно о другом.

Я знаю, что кто-то мне не поверит и кинется искать на карте места, о которых пойдёт здесь речь. Но дотошный читатель может и найдёт на современной карте под Псковом платформу Соловьи, но это не то. Когда-то этот посёлок и платформа местной одноколейки назывались Сандугач, что в переводе с татарского на русский – Соловей. Находились они вовсе не под древним русским Псковом, а гораздо дальше, на востоке, куда не дошло активно наступающее на материки море, но мощные землетрясения и природные катаклизмы начала прошлого века создали среди былых возвышенностей совершенно новый рельеф местности, возникли новые русла рек, новые озёра, поднялись новые горы. Земляне пережили этот период, избегая опасных районов, которые стали практически безлюдными, если не считать редких научных экспедиций.

Когда всё стихло, то люди стали заново осваивать и обживать те места, возрождая уцелевшие перед натиском стихии посёлки. В их числе был маленький посёлок Сандугач с одноимённой платформой. Я там отдыхал много лет ещё в юности, когда она ещё станцией была с деревянным двухэтажным вокзалом, покрытым черепицей. В местном обиходе станцию называли и синонимом – «былбыл», намекая как бы и на то, что она была тупиковой веткой перед тоннелем горной одноколейки. Поезд приходил и уходил с неё обратно. Русское название-перевод «Соловей» закрепилось позже. Места там – ух, какие! Грибы, ягоды – само собой, а какие прогулки по горным тропинкам, какое озеро с водопадом!

Всё было бы хорошо, если бы не попало это место в зону временных аномалий при первых экспериментах со временем и телепортацией в Черне в 22.. году и рядом со станцией невесть откуда возник кусок средневековой крепостной стены с воротами в башне, да и много другого возникло. Щебнедробилка, например, с экскаватором. Отродясь тут щебень не дробили, хотя и горы кругом. С тех пор это место «закрыли» и только на специальных картах обозначали. Все эти подробности я, конечно, знал, но желания купить дом именно в Соловье они не отбили.

Агент по недвижимости, здоровенный рыжий малый с маленькими круглыми глазками над щедро награждённым веснушками носом, услышав про мои намерения, бодро заводил пальцем по планшету.

– Сожалею, но в Соловье предложений нет, – наконец сказал он.

– И аренды нет? – спросил я.

Агент почесал нос.

– Вообще-то я местный почти. В 10 километрах от Соловья посёлок, слышали, может? – он назвал посёлок, который мне действительно был знаком по прошлым временам. – Из Соловья все переехали в долину, там сейчас остались только станция, та стена с воротами да щебнедробилка, которую уже лет пять никак не разберут... Из долины до Соловья автобус ходит и подвозит к поезду. Там даже билеты не продают – вокзал закрыт.

– А вокзал цел, что ли? – поинтересовался я.

– Цело всё. Как законсервировано, даже не гниёт нигде. А народ боится.

– Ещё бы, – согласился я.

– Я вам вот что предложу, – агент поелозил пальцем по планшету. – В «Загорной» есть дом. И не дорого. У старого замка.

– Замок, что тоже из того «хроно»? – спросил я. Про станцию «Загорную» и посёлок Загорный я знал, от Соловья минут 15 на поезде по тоннелю, но в памяти в деталях это место как-то не отложилось у меня.

– Нет, замок исторический. Да одни развалины. В Загорной «хроно» не было. Чистое место. Дом крепкий, горный, камень и дерево. Я вам оставлю материалы, посмотрите, подумайте.

Агент сбросил мне на флешку файлы и ушёл, а мы с моим цвергом Пусем стали думать. Думали ночь и наутро решили-таки купить дом.

Три дня ушло на преоформление покупки. На четвёртый день с ключами в кармане и с Пусем на поводке я стоял на перроне городского вокзала и ждал «дизель» до Загорной. В моей юности такие маленькие составчики из двух-трёх вагонов с мерно стучащим дизельным мотором тут ходили. Тут, в стороне от суперсовременных межконтинентальных пневмоманитных трасс время остановилось, и от вокзала отходили порой настоящие музейные экспонаты. И сама дорога – никаких труб и желобов, старинный рельсовый путь со шпалами и щебёночным балластом. Наверно этот «дизель» был в их числе – выглядел он внешне почти так же, как во времена моей юности – пара сцепленных вагончиков. Только звука мотора слышно не было – видимо, стояла современная силовая установка. Водителя тоже не было, автоматика.

Агент собирался подсесть к нам в Соловье и проводить к дому. Там, после окончательного осмотра, мы с Пусем должны были подписать все бумаги и стать домовладельцами. Собственно, им должен был стать я, у Пуся была своя «методика» отмечания новых владений. Наряду с домом ему предстояло принять к охране 10 соток участка.

Народу ехало мало. Пусь забрался по обыкновению ко мне на колени, немного посмотрел в окно на поплывшие назад станционные постройки, зевнул и устроился спать. Тряска на стрелках быстро сменилась мерным перестуком давно знакомой однокорейки. До Соловья было минут тридцать езды, я смотрел в окно и узнавал знакомые места.

По расписанию состав стоял в тупике в Соловье всего две минуты, и выйти – хотя бы пробежаться по любимым местам не было возможности. Я твёрдо решил, что специально приеду и посмотрю всё, что тут случилось. Заодно поиграюсь с биолокатором, который мне рекомендовали брать с собой на прогулки по местам аномалий. Хотя мне он был и не особо нужен – лучший биолокатор мирно спал на коленях. В плохое место Пусь не пойдёт – уже проверено не раз.

Наконец поезд затормозил перед тоннелем и поехал в обратную сторону, сворачивая на ветку к Соловью. Агент уже ждал на платформе и сразу присоединился к нам.

– Как добрались? – приветствовал он нас.

Пусть повилил ему хвостом. Я пожал руку. Мне хотелось повнимательнее рассмотреть здание вокзала станции, оно выглядело точно таким же как почти два десятилетия назад, только все окна закрыты и внутри не видно было занавесок. Но вагон уже тронулся дальше.

Всю дорогу в тоннеле агент рассказывал мне, как ещё мальчишкой лазил по возникшим в Соловье строениям, пока всё не оцепили военные и местных не переселили в долину.

– Там если смотреть боковым зрением, то марево у стен было видно при низком солнце, – говорил он. – А так – камни как камни, ничего особенного, всё очень крепкое, на века строенное. Обладеть конечно – был пустырь, и вдруг за ночь – нате вам – стена крепости с башней и воротами.

– А ёлки? – спросил я, вспомнив их у стены.

– А ёлок не было. Это мы потом их посадили для прикола, как оцепление сняли и это место объявили безопасным. Думали туристов водить. Но они чего-то не особо в наши края рвутся. Только экстремалы, да первое время всякие «пророки» валили. Пытались откалывать кусочки стены на память – ни фига. Даже написать на ней невозможно, первый дождь всё смоеет. Полностью антивандально. Ну и интерес угас довольно быстро. Теперь только ученые тут тусуются постоянно.

– И вокзал тоже антивандальным стал? – поинтересовался я.

– И он заодно. Правда, не весь. Один угол у него вроде обычным остался, как говорят. Но не знаю точно.

Мы помолчали. Вагон грохотал в тоннеле, за окном в темноте пролетали редкие фонари на бесконечной бетонной стене. На табло уже зазеленела надпись «Загорная».

Я пропустил момент, когда «дизель» вынырнул из тоннеля и почти сразу затормозил у маленькой платформы. Приехали.

– Советую подождать минут десять, – сказал агент. – Поезд уедет обратно и можно отсюда хорошо осмотреться.

Так и сделали. Через десять минут я оценил красоту открывшегося вида. С другой стороны платформы было небольшое, но чрезвычайно живописное озеро, с маленьким галечным пляжем и, видимо, водопадом, шум которого доносился от железнодорожного моста. Справа – гора с развалинами замка. У платформы стояло прекрасно сохранившееся здание гостиницы со смотровой вышкой, на стене которой была камнем выложена цифра «1896», тут же был двухэтажный дом с магазином и поодаль пара частных домов. Тишина, покой и горный воздух. И не чувствовалась жара при +32 в тени. На склоне горы была видна тропа. Идиллия, да и только.

Мне это вполне подходило – хотел поработать над книгой, пописать, может, и стихи опять пойдут. Писал же когда-то.

– Вон там наш дом, – агент показал рукой на вершину горы. Приглядевшись, я увидел на ней площадку, на которой стоял маленький отсюда дом. К нему по склону серпантином вела лестница.

– Пойдём пешком или вызовем квадрокоптер? – спросил агент.

В горных районах были созданы службы коптеров-автоматов, которые доставляли и грузы и людей. Но мне что-то не захотелось лететь. Пошли пешком. И не напрасно. Долгий подъём сполна окупился красотой открывавшихся видов. Нет, мне всё больше хотелось тут жить! С нами со станции увязалась местная собачонка, с которой Пусть установил прочный контакт. Подъём занял часа полтора. Погасив брелком ключа запищавший зуммер силовой ограды, мы прошли к дому.

Судя по тому, как Пусть прошёл в открытую дверь, дом ему понравился. Никакой обстановки внутри не было, слегка пахло ремонтом. Мы обошли его от подвала до чердака, комнат было много, больше, чем нам надо на самом деле – всё-таки это был двухэтажный дом для боль-

шой семьи, а не для одного человека с собакой, и это сильно смущало. В большом пустом доме одному жить трудно. Но на перестройку его мне денег не хватит. Надо было решать и быстро.

– Ну из большей площади всегда можно сделать меньшую, – сказал агент, выслушав мои сомнения. – Да и если подумать, то применение можно найти. Скажем для туристов.

– Я не хотел бы заниматься бизнесом. Мне нужен дом для себя и работы.

Агент подумал, потом отошёл в сторону, переговорил с кем-то и сказал мне:

– Можем скинуть процентов двадцать от цены. Если надумаете перестраивать, то этого хватит. У вас по закону есть ещё две недели на отказ, если что окажется не так. Но все изменения только через две недели.

Я прикинул и согласился. Через полчаса мы с Пусем стали домовладельцами и проводжали взглядом квадрокоптер, уносящий нашего агента к новым клиентам. А нам предстояло получить мебель, контейнер из города с личными вещами и просто обустроиться на новом месте. Я засел за панель домашнего терминала формировать запросы и заказы, а Пусь в компании местной собачонки отправился на участок.

Было уже далеко за полночь, когда прибыл последний заказ (кровать и шкаф в спальню), робоносильщики его поставили на место и улетели с коптером. Я подумал было про необходимость пожевать что-то из «меню новосёла» и покормить Пуся с его компаньоном, как дом мягким голосом пригласил меня пройти в кухню-столовую и взять из автоповара ужин. Вообще его система оказалась очень на высоте. Она не только помогла грамотно сформировать заказы на мебель, план её расстановки, но и руководила носильщиками, в результате чего мы с Пусем получили очень уютную спальню, рабочий кабинет, гостиную, спортзал и столовую, не говоря уже о ванной и бассейне в подвале. Остальные комнаты решили пока не трогать и задрапировали их входы. К моему удивлению, в кухне я нашёл двух сытых псов и две миски с чистой водой на полу.

При виде меня Пусь вскочил и полез целоваться. Второй пёс (вроде это девочка, надо присмотреться) был более сдержан в эмоциях, но тоже вилял хвостом и приветливо «улыбался». Похож он был на метиса терьера, мордаха очень даже симпатичная, чёрного окраса, помельче Пуся.

– Ты уже покормился? Поел? – спросил я пса, лаская его за уши.

Пусь довольно облизнулся.

– Две особи накормлены – сообщил дом. – Две порции корма «Канис стар», гарнир курицы и вода родниковая.

– Спасибо, – ответил я. И тут меня прошибло – откуда дом про курицу знает? Спросил:

– А кто просил курицу?

– Особь Пусь – тут же ответил дом.

– Пусь, ты смог заказать курицу?! – изумился я.

Пусь лизнул меня в щёку, а дом ответил за него:

– Он излучал желание, по спектру близкое к курице.

– Вторая особь тоже излучала такое желание? – с ехидством осведомился я, лихорадочно начиная соображать, в чём дело. Умный дом – это вполне привычная вещь, но она не понимает эмоций. А тут что-то не то. Тут слишком умный дом. Не в этом ли причина того, что он так долго продавался? Я как-то не обратил внимание на модель системы умного дома при чтении документов, вроде она была вполне стандартной – отопление, обстановка, отходы, вода, энергия... Ладно, выясним.

– Вторая особь не имела желаний, – ответил дом. Иронии он не понял.

– А меня что ждёт в автоповаре? – спросил я.

– Вас ждёт ужин, – просто ответил дом. – Бифштекс с картофельным пюре, салат и витаминный напиток.

«Хорошо, что не сахарная косточка», – подумал я. Вслух же поблагодарил и взял из шкафа повара контейнеры с едой. Всё оказалось очень вкусно, плюс ещё включил тихую музыку и решил не торопить события. Собственно, никакого криминала тут не было. Корм «Канис стар» для псов я заказал сам, курица входила в набор заготовок для автоповара, странным было только чтение пусячих желаний, впрочем я и сам их научился читать неплохо. Шесть лет жизни с цвергом научат его понимать с полуслова...

Спали мы тоже очень неплохо, с открытым окном, на потолок ночник проецировал звёздное небо, только пуськин компаньон сперва не признал свою лежанку и устроился поначалу около двери, которая начала от его присутствия открываться-закрываться. Пришлось его переселить под окно. Но он понял очень быстро. Смышлёный кажется. Или это всё-таки «она»? Всё, уснули.

День первый

Утром я проснулся рано. Посмотрел с кровати вниз. Пусь со своим компаньоном дрыхли на спине, раскинув лапы, в одной лежанке. Увы, это всё-таки девочка, «она», вот и назову её «Оной», «Онкой», решил я. Лучи солнца уже окрасили стену в такой нежный розовый цвет, что глаз не оторвать. Я встал и подошёл к окну. Со второго этажа из окна спальни была отлично видна вся старая крепость, серые стены которой тоже местами казались розовыми. Я смотрел на её развалины, на могучие формы крепостной башни, на остатки некогда неприступных стен...

Псы проснулись. Я несколько раз погладил Онку по голове и спинке, произнося её новое имя, кажется, она быстро поняла. По крайней мере «Пуся, Она, гулять» ими было воспринято на «ура». Онке надо ещё ошейник заказать сегодня, пока второй пуськин ей надел... Короче, нас теперь трое.

– Доброе утро, – мягко произнёс дом.

– Доброе, – приветливо согласился я.

Е-моё, что это всё мне такое знакомое напоминает? Прямо как у Саймака или Кларка в его «Одиссее».

– Дом, назови свою модель и спецификацию.

– УД «Комфорт», спецификация «стандарт».

Хм, такая как у меня в городе была. Ничего особенного. Без чтения собачьих желаний, точно.

– Дом, в твою программу вносились изменения?

– Да.

Вот оно что. Теперь надо аккуратно выяснить – кем и какие. Аккуратно, чтобы защита не сработала. Это уже за терминалом надо будет посидеть. Ладно, это позже.

Псы скатились по лестнице и крутились около входной двери.

– Дом, выпусти гулять Пуся и Онку.

– Вторая особь имя Онка?

– Да. Она живёт с нами. Зарегистрируй.

– Выполнено. Внесено в реестр. Выпускаю.

Немного постоял, наблюдая как псы радуются утру и воле. Воздух был холодный и тугой, хоть ножом режь, росы не было. Обошёл вокруг дома. Снаружи он казался не особо большим, я зашёл под навес, потрогал пересохшие от времени дрова в поленнице, потом посидел на скамейке, где под слоем краски проступали какие-то вырезанные инициалы. Кто-то кого-то ждал тут, кого-то любил... В файлах про историю дома было совсем немного. Построил его для своей большой семьи зажиточный кузнец, да ушёл на войну, ещё Первую мировую в начале двадцатого века, и не вернулся, потом другие хозяева были, но всё это было там, внизу, а вот как дом оказался рядом с замком и когда?

– Дом, – попросил я, – расскажи историю своего переноса на это место.

Дом не ответил. Очевидно, за его стенами функция диалога не работала. Ладно, позже спросим.

Внизу из тоннеля выполз пассажирский скорый. Я знал этот состав, он утром и вечером обходил по кругу однопутной железной дороги окрестные городки. Ни в Соловье, ни в Загорном не останавливался.

Я подошёл к барьеру. Под ним была тропа к старому замку. Серые бетонные плиты, потом просто щебёнка вели к проёму в стене на площадь перед башней. Вообще странно, зачем надо было строить замок, если к нему вела только тропа из-за гор мимо моего нового дома. Легенды говорили, что это был форпост жителей древней горной страны от набегов жителей долин, которые поднимались на летающих повозках. И однажды тут была жестокая битва, и был якобы огонь, который выжег всё кругом и превратил некогда цветущие земли горных долин в пустыню.

Прибежал запыхавшийся Пусь и поскрёб меня лапой. Это означало у нас после прогулки или просьбу дать попить, или пустить домой. Онки не было видно. Я настроил на Пуся дверной сенсор, пока с ним возился, появилась Онка вся в репях. Вынул колючки, приласкал, настроил сенсор и на неё. Псы, как по команде, направились в кухню, а я спустился в спортзал.

Но заняться спортом мне было не суждено.

– Гости – коротко проинформировал дом.

Почти одновременно Онка, а за ней Пусь с лаем устремились к выходу. Я последовал за ними.

На площадке перед силовой оградой уже стоял маленький одноместный мотокоптер, с которого слезало юное существо. На вид лет 14—16, не больше. Оно сняло шлем и оказалось юной девушкой. Я открыл вход и подошёл. Онка прыгала вокруг прибывшей, Пусь тоже был не против познакомиться ближе.

– Здравствуйте, – вежливо сказала гостя и очаровательно улыбнулась. – Я – Влада.

– Я назвал себя и представил собак.

– Это не Онка, – сказала девочка. – Это наша Джека. Когда она не пришла домой, то мы и подумали, что она увязалась с вами. Она часто тут бывает.

– Вместе с вами? – улыбнулся я.

Вскоре на скамейке перед домом (в дом гостя не захотела идти) я кое-что узнал. Влада жила с родителями в Загорном, её родители были «хрониками» и целыми днями пропадали в Соловье – изучали аномалию. Самой Владе было уже 16 лет и она осенью должна была поступать в колледж и уехать туда, а пока она готовилась к экзаменам и просто проводила своё последнее детское лето. Джеку-Онку её папа привёз месячным щенком из Соловья, сперва не разобрался и назвал Джеком, пришлось срочно переименовывать на дамский лад. Ей ещё года нет. На платформе она ожидала родителей, которые обычно приезжали этим дизелем, а в тот раз задержались. Про меня и Пуся Влада узнала от рыжего Миха-агента, когда стали искать пропавшую Джеку.

Гостеприимный дом прислал нам к скамейке столик с коктейлями и пирожками. Очень кстати.

– Хорошо, что вы решили тут поселиться, – сказала Влада. – тут так здорово! А люди не понимают. Мих уже несколько лет сюда водит своих клиентов. Мих мой троюродный брат, поэтому я знаю.

– Влада, а чего им тут не нравилось? – осторожно поинтересовался я. – Мих не говорил?

– Да говорил не раз, – махнула она рукой. – Понимаете, когда этот дом решил себя продать, то он поставил условие – две недели испытательного срока для всех клиентов...

– Ммм, – озадаченно промычал я. – Дом решил продать?... Ты не путаешь?

– Нет, – ответила Влада. – Это очень умный и самостоятельный дом. Раньше он стоял по соседству с нашим, потом ему надоело и он перебрался сюда.

История мне начинала нравиться всё меньше. Что дом был с мозгами, я уже убедился. Но что две недели меня будут испытывать неизвестно как, мне не нравилось совсем. Я хотел просто уютно устроиться и спокойно работать.

– Ты можешь рассказать подробнее? – попросил я. – Мне понравилось это место и уединение, поэтому я и согласился, хотя хотел иметь дом в Соловье. Но иметь дом умнее себя и способный от меня удрать, если что не так, согласись – напрягает.

– Угу, – кивнула головой она. – Напрягает. У нас в посёлке тоже все обалдели, когда последние хозяева этого дома внезапно уехали в долину, он полтора года стоял пустой, и вдруг является бригада с гравидомкратами и за несколько дней его целиком переносят на гору, вырубив тут в лесу для него площадку. Причём хозяева ничего не знали. Когда наш мэр им написал, то они попросили их не разыгрывать и не беспокоить по-пустому. А через неделю Мих нам сказал, что дом выставлен на продажу. Причём именно как «дом на горе».

Влада ещё рассказала, как год назад дом приглянулся одной молодёжной тусовке и они решили его приобрести. Хватило их на одну ночь, попускали фейерверки над крепостью и на первом же дизеле утром слиняли – почему, отчего никто так и не узнал.

«Ну, у нас первая ночь прошла вполне достойно, – подумал я. – И линять не хочется». Вслух же спросил:

– А ты с Джекой тут часто бываешь?

– Джека чаще, – ответила Влада. – Она возит Вебсика к озеру ловить рыбу. Он же маленький, ему трудно по лестнице...

Так я впервые услышал про Вебсика.

– Вебсик? – переспросил я.

– Вебсик, – подтвердила Влада. – Вы что, не знаете?

Пришлось признаться, что не знаю. Честно говоря, и знать не хотелось, если это внесёт новые трудности в моё испытательное положение. И потом уже достаточно «грузиться», надо всё спокойно переварить. Я решил оставить этого вебсика «на потом», поэтому не стал настаивать на рассказе о нём, тем более что Влада и сама не очень хотела. Мы ещё немного посидели, и она стала собираться в обратный путь.

Коррективы внесла Джека, которая наотрез отказалась покидать Пуся и влезать в рюкзак хозяйки. Сам Пусь тоже был против какого-либо насилия над новой подружкой, активно мешая её ловить. В результате Влада улетела одна, а мы втроём ещё некоторое время посидели на скамейке.

Подумалось, что надо будет спуститься вниз, познакомиться с мэром посёлка, хотя бы, и вообще с народом, чтобы не слыть тут затворником. Ну, это, может, на послезавтра. Старая крепость-замок тоже к себе тянула духом развалин. И кухня – было время позднего завтрака уже. Но в итоге решил всё-таки хоть полчаса отдать спортзалу.

После разминки я ещё некоторое время побродил по подвалу, добрую треть которого занимал бассейн, рядом с ним нашёлся жёлоб боулинга и даже тир с мишенью. Оснащение дома явно было по стандартам какого-нибудь олигарха в прошлом, одна ванная с джакузи и громадной душевой чего стоили. Мне всё это было непривычно. Хорошо, что спортзал был невелик, и мои тренажёры из города не терялись в его пространствах. Активировать бассейн и наполнять его водой я не стал. Кинул пару раз шар в боулинге и промазал в тире. С моими диоптриями это лишние вещи. Демонтировать можно, конечно, а зачем? Что взамен? Пока никаких идей.

Поднялся в рабочий кабинет, включил компьютер, проверил почту. Пусто. Дошёл до кухни и проглотил гренки. В кухне ко мне присоединились Пусь с Джекой. Им тоже перепало. Вернулись с псами в кабинет. Пусь занял, как всегда, кресло с таким расчётом, чтобы видеть все мои движения, а Джека развалилась у секретера.

– Дом, выведи список основных модулей своей оболочки, – попросил я систему, устриваясь за терминалом.

Некоторое время я изучал появившийся на экране список. Версия новее, чем была у меня в городе, по датам конфигурационных файлов её обновляли за несколько месяцев до моего появления здесь. Проверил на предмет скрытой информации. Ничего. Запросил справку изменений. Добавлены расширенные возможности диалога (да, болтает он приятно) – и опять ничего необычного. Но вчера дом сам сказал, что в программе были изменения. Где же они? В лоб спрашивать опасно, можно ненароком всё заблокировать тут... Мда.

Я встал и подошёл к окну. Окно кабинета выходило на горы и начало древней тропы, едва заметное среди зарослей и камней. Пришла мысль. Ну-ка, попробуем...

Набрал слово, запустил. Экран потемнел и вывел сообщение: «Для начала работы задайте ключ». Ключа у меня не было, а слово было – «Вебсик»... Вообще, оно, похоже составное: по-английски (я немного знал этот старый земной язык) «web seek» звучало созвучно и означало «веб-поиск», но странно было бы думать, что некий веб-поиск может ездить на Джеке к озеру ловить рыбу. Я ухмыльнулся, пытаюсь себе это представить. А, будь что будет...

– Дом, – решительно сказал я. – Вебсик дома?

– Да, – спокойно ответил дом.

– Я могу с ним поговорить?

– Да, – также спокойно ответил дом.

– Я хочу поговорить с вебсиком!

– Говорите, – сказал дом.

– Здравствуй, вебсик! – начал я.

– Здравствуйте, – ответил дом.

Я немного ошалел.

– Дом, так ты и есть вебсик что ли?

– Нет, – ответил дом. – Я – информационная система умный дом модель «Комфорт» спецификация «Стандарт». Я не вебсик. Я его дом.

– А где мой дом? – грустно спросил я.

Выходило так. Есть строение, дом, который я купил. В нём есть информационная система, которая является домом для «вебсика». Если я уберу систему, то мне останутся голые кирпичики, которые сами по себе ни обогревать, ни кормить меня не будут. Что-то мне подсказывало, что надо искать компромисс.

«Вот так мы и становимся рабами своих вещей», – философски подумал я.

– Вебсик, мы можем вместе ловить на озере рыбу? – вдруг спросил я.

– Можем, – ответил дом.

– Вебсик, мы можем видеть друг друга? – продолжил я.

– Вы не готовы, – ответил дом.

– Почему? – удивился я.

– Мало детства, – ответил дом.

– А мои собаки тебя видят?

– Да, – ответил дом. – Они видят образы. Дети тоже могут видеть. Но не все.

– А я?

– Вы видите символы. Это мешает видеть суть.

– Спасибо, вебсик, – поблагодарил я, не решаясь узнать всё и сразу. – Мы ещё пообщаемся?

– Пообщаемся, – согласился дом.

– Да, – вспомнил я. – Вебсик, какой ключ запрашивала программа?

– «Старт», – ответил дом. – Это просто программа визуализации диалога с модулем «Вебсик». Это не вирус.

– Она мне покажет вебсика? – оживился я.

– Она покажет вас, – ответил дом. – Ваши интересы, связи...

«Ну, приехали, – подумал я. – Ещё одна версия портрета Дориана Грея...»

Но кирпичики мозаики частично вставали на свои места. Что или кто такое «вебсик», пока не ясно. Собаки и дети его видят. Чтобы мне его увидеть, мне надо стать собакой или ребёнком. И тогда я увижу себя. Хм...

«Сбросить шоры с глаз», как говорил один гуру. И вебсик не ходит с удочкой ловить рыбу как рыболов. У него другая ловля. Он ловит образ.

Когда мне попадалась трудная задача, то я любил зарываться носом в лохматую головку Пуся и думать с ним вместе. Это не раз помогало. Пусь, ты ж умней меня! Подсказывай, давай!

К вечеру снова прилетела Влада. Не одна – с отцом. Он мне сразу понравился. Спокойный такой, рассудительный. Вроде славный мужик и имя подходящее – Слава. Вячеслав Серёгин. К тому же он оказался и мэром посёлка, что сильно упростило мне задачу официального представления. Сидели мы на сей раз в гостиной. Джека от Славы не отходила ни на шаг, а Пусь устроился на руках у Влады.

Слава рассказал мне про обстановку в Соловье. Исследователи склонялись к версии спонтанного хронопереноса, но при этом считалось, что он должен был быть взаимным, то есть кусок земли от Соловья должен где-то заместить потерю крепостной стены и щебнедробилки. Но анализы показали, что этого не произошло. Сейчас пытаются ещё раз восстановить ситуацию в Церне, на момент катастрофы. Мою идею ползти в Соловье с Пусем Слава решительно отверг. Опасно.

Я немного рассказал новым знакомым о себе, о своей прежней работе и о том, что я ожидал от приобретения дома. Выяснилось, что рыжий Мих слукавил – в посёлке продавался ещё один дом, правда, существенно дороже, и я бы вряд ли его купил.

Неожиданно появился вариант решения ещё одной проблемы.

После экскурсии по дому, которую я устроил для своих гостей, Слава вдруг спросил, не соглашусь ли я сдать полдома им с женой, когда Влада уедет от них в колледж. Он рассказал, что давно, уже лет пятнадцать собирает материалы про замок, что они с женой пытались получить грант на подробные исследования, но не дали.

– Когда решили здесь пробивать тоннель, то стоило больших усилий сохранить замок, внести его в государственный реестр достопримечательностей. Его же нашли случайно – тут, говорят, целый город был когда-то, это его остаток... Десять лет раскопки вели. А потом пошло это терраформирование, все ушли отсюда... А он уцелел, только в итоге на холме оказался, и как только не развалился совсем – не знаю...

Слава вздохнул и продолжил:

– Получили мы тут «на развитие туризма» разовый грант, реставрировали гостиницу и серпантин построили к руинам, а туристы так и не пошли, через некоторое время замок спихнули на местный бюджет и теперь только отчёты от мэрии требуют, как мы его охраняем. А тут ещё ваш дом сюда прыгнул. Нет, я нутром чую, что тут интересно. Живя тут, мы с женой кое-что могли бы попробовать сделать, всё равно у нас в Соловье вахты сутки через трое. Время есть, – заключил он.

Я лукаво взглянул на Владу и произнёс, обращаясь к потолку:

– Вебсик, ты не против?

Влада с округлившимися глазами выслушала положительный ответ дома, а Слава покачал головой:

– Уже и вас втянули в эту игру.

– Да вроде это не игра, – начал я. – тут вроде дело сложнее...

– Да её мальцы посёлка придумали, – отмахнулся Слава. – И моя туда же.

Я заговорщицки подмигнул Владе и примирительно сказал:

– Ладно, разберёмся со временем. Его полно – целых две недели.

– Почему две недели? – не понял Слава.

Я рассказал ему про скидку и условие рыжего Миха. Слава расхохотался.

– Вот ведь жук! Этот рыжий и придумал этого вебсика. Начал в детстве историю... Как сейчас помню письмо в мэрию корявыми буквами: «Детям нужны футбольные ворота. Вебсик»... И пошло – на все требы один вебсик. Уже третье поколение мальцов с ним живёт.

Тут я заметил, что обе собаки и Влада с улыбками смотрят мне за спину. Собаки виляли хвостами. Я обернулся.

Прямо на стене корявыми печатными буквами было написано:

«Я есть. Вебсик».

Я хотел было показать послание Славе, который в это время отошёл к окну, но надпись начала быстро бледнеть и скоро совсем исчезла. Путь подошёл и обнюхал стену, после чего потерял к ней всякий интерес, зевнул и куда-то направился из комнаты. Влада, а за ней и Джека отправились за ним. Вскоре они вернулись. Путь тащил в зубах любимого плюшевого медвежонка, Джека – мячик, а Влада – пакет с пуськиными игрушками.

– Мы пойдём на улицу, – объявила она.

Я предложил Славе перейти в кабинет. Из его раскрытых окон с участка уже доносился голос Влады и весёлый лай.

Мы расположились в креслах перед камином, в котором предусмотрительный дом за стеклянными дверцами зажёл огонь или его имитацию, что было очень уютно. Я попросил Славу рассказать подробнее про перенос дома на гору. Он согласился.

Прежними хозяевами дома были Ян Петерс, его жена Наташа и трое их сыновей, из которых старший уже давно выучился, уехал и работал где-то на севере, а младшие близнецы были на год старше Влады. Дети дружили, взрослые тоже. Петерс был хорошим специалистом-электронщиком, и его часто приглашала научная экспедиция Института времени, работавшая в Соловье. Но основным его занятием была живопись. Он писал горы, стал известным художником, и его картины были во многих галереях. Жена учительствовала. Школы в Загорном, как и во всех таких маленьких посёлках, не было, дети учились дома, а при местной мэрии был класс дистанционного образования для приёма экзаменов и разбора сложных уроков, где она и работала. Особой нагрузки в классе не было. Ничто не предвещало перемен, и Слава с женой были очень удивлены, когда Петерс сообщил им о скоропалительном отъезде в долину. Они уехали в тот же день вечером, и дом стоял пустым года полтора. Потом уже, Слава, когда

его выбрали мэром посёлка, отправил им от мэрии запрос на разрешение его использовать для новых сотрудников экспедиции, которая в то время расширялась, и в Соловье даже поставили палатки. Желающие жить в Загорном, а не в долине, были – привлекало пятнадцать минут езды по тоннелю против часа с лишним на автобусе до долины. Ответа не было, а через неделю прибыла особая строительная бригада с только что созданным гравитационным оборудованием, и дом перенесли на гору, где под него предварительно вырубил в лесу площадку. После этого появился рыжий Мих и с удивлением сообщил, что дом попал в базу его агентства, то есть на продажу.

– Мне до сих пор многое не ясно, – задумчиво сказал Слава, потирая подбородок. – Для Петерса это был родовой дом, ещё пра-пра-прадедом его построенный, незадолго до отъезда они его основательно подновили, потом вдруг уезжают... А перенос на гору – вообще... Мы сколько пишем-просим дать такое оборудование для Соловья – нам не дают, а тут дом запросто. Знаете, сколько это стоит?.. Петерс вряд ли мог оплатить такое. Нет, тёмное дело.

Он помолчал, потом продолжил.

– На месте этого дома рядом с нами теперь пруд. Каждый раз как подхожу к нему – ощущение, что дом стоит, только невидимый. И все его обходят, даже собаки в пруду не купаются. И не растёт ничего. Котлован и вода. Сказали, что это последствия применения гравидомкратов, постепенно всё восстановится. Типа геопатогенной зоны искусственной. Ну, не знаю. Логика в его переносе и продаже тоже не вижу. Но страха у меня дом не вызывает.

– ??

– Ну, понимаете, тут легко всякую чушь навертеть. А мы с Михом когда поднялись к нему, то всё обычно. Дом как дом.

– Так вы бывали здесь?

– Только снаружи. Вы же знаете, когда недвижимость выставляется на продажу, то бригада роботов делает косметический ремонт и выносит всё лишнее и оставшееся от прежних хозяев, если остаётся что-то. Вот мы и попали в этот момент с ним. А больше я не поднимался. Мих бывал, знаю, готовил презентацию для покупателей.

– Мне кажется, что Мих знает про это больше, чем говорит. – сказал я.

– Да ничего он не знает! Шалопай великовозрастный этот Мих, уж поверьте, с его мозгами можно найти работу поинтереснее, чем агентом по недвижимости в этом медвежьем углу. Он же в школе был чемпионом округа по искусственному интеллекту, на олимпиады в Рио ездил. И вдруг – провалил профотбор и – агент по недвижимости... У Петерса близнецы тоже башковитые были, но Миху уступали. – Слава кинул взгляд на часы. – Ну, нам вроде пора обратно... Спасибо вам за знакомство, надеюсь, продолжим. Влада!!! – крикнул он из окна дочери. – Вызываю коптер, бери Джеку на поводок.

Мы тепло попрощались и проводили новых знакомых. Темнело тут на час-два раньше – солнце скрывали горы. Зато рассвету ничто не мешало. Набегавшийся Путь быстро затих в своей лежанке, а я прилёг почитать. Уснул незаметно.

День второй

Странное дело – просыпаюсь с ощущением, что живу здесь давно. И сегодня встал поздно – полвосьмого. Даже Пусь не будил утром и сам ещё спит вовсю, явно «не излучая желания» погулять.

– Доброе утро, дом, – сказал я.

– Доброе утро, – отозвался дом.

В быту я страшный консерватор. Терпеть не могу новых мест и смены обстановок. По мне куда приятнее вот так проснуться и окинуть взглядом привычные очертания предметов в комнате, чем спросонья мучительно вспоминать, где ты находишься. Естественно, что таскать за собой обстановку всю жизнь я не мог, но каждый раз, когда приходилось менять место жительства, я старался подобрать новый интерьер похожим на прежний. Поскольку мои предпочтения лежали в области «классики», то это обычно не составляло труда. И сейчас я с удовольствием окинул взором спальню.

Помимо кровати в ней стояла небольшая, но вместительная стенка, изящный столик с удобными боковыми полочками, кресло-трансформер, на котором любил днём валяться Пусь, ковёр на полу. У кровати стояла Пусина лежанка. В небольшой, почти квадратной комнате было одно окно, задрапированное нежно-розовым тюлем и коричневыми занавесями из незнакомого мне на ощупь материала. В окно уже било утреннее солнце. Вставать жутко не хотелось.

Пусь перевернулся на спину и поскрёб лапой бок кровати, прося почесать брюшко. Спустил руку на него и начал медленно шепуршить пальцами его шерстку.

Вспомнился вчерашний визит Серёгиных. В мою «мозаику загадок» он добавил очень не много, но спешить не стоило. Одно вчерашнее послание на стене говорило о многом. Стены жилищ сейчас покрывали специальным составом, способным принимать любую окраску и воспроизводить любые рисунки – «видеообоями», так что система умного дома по желанию владельца могла в один миг всё изменить. Если Вебсик жил в моём умном доме, то ему ничего не стоило «написать» на стене и стереть надпись. Просто это говорило о том, что он внимательно следил за всеми нашими разговорами. Мда, не совсем приятно жить, зная, что тебя постоянно кто-то слушает.

Я скинул одеяло и встал. Пусь тоже вскочил, зевнул и начал потягиваться. Потягивался он всегда очень заразительно; возникало желание опуститься на четвереньки и так же вытянуть руки, припадая к полу. Иногда я так и делал, тогда Пусь, смотря на мои «потягивания», принимался мне показывать, как это надо делать правильно. Выходило утомительно. Вообще он очень правильный Пусь.

После завтрака мы с Пусем решили познакомиться с горной тропой.

– Дом, – спросил я, – по горной тропе можно высоко подняться?

– До перевала, – ответил дом. – Но до него вы не дойдёте – там завалы. Советую сперва полететь на коптере и посмотреть сверху.

Идея была неплохая, но виртуальная экскурсия по окрестностям была в тех файлах, которые мне ещё в городе скинул Мих. Можно было снова посмотреть её. Я попросил дом показать файл.

Подъехал сервировочный столик, с которого я взял панельку тачпада.

Противоположная стена превратилась в стереоэкран, показывающий изображение как с летающей камеры. Она висела над домом, отчётливо была видна его крыша со старинными слуховыми окнами и современными антеннами дальней связи, виднелась даже спутниковая тарелка, причём явно не бытовая. Внизу как на плане был виден участок со всеми дорожками, деревьями, энергобудкой на границе с горой. Склон горы был скрыт густым ельником. Я опу-

стил обзор ниже, но найти начало тропы не смог. Пришлось просить дом помочь. Да, в таких зарослях я бы сам мало что нашёл. Прежде чем гулять, тут топором намашешься.

– Дом, можно организовать расчистку тропы для прогулок?

– Да. Оформить заявку? На завтра?

– Давай на завтра. Это не будет несанкционированным изменением? – спросил я, вспомнив условие Миха.

– Нет, это за пределами границ. Будет расчищено два километра до первого завала.

– Дом, покажи всю тропу.

Изображение поплыло вниз, и на экране возник контур извилистой тропы. Она обрывалась где-то на середине горы. «На перевале», – догадался я.

– Дом, а что за перевалом?

– Нет информации.

Ладно. Запросим тогда спутниковые снимки. Прогулка по тропе и так откладывалась на завтра.

– Вас вызывает посёлок, – сказал дом.

– Соедини, – разрешил я.

Изображение на стене сменилось комнатой со строгого вида пожилой дамой. Я встал и поклонился, приветствуя её.

– Надежда Ивановна, администратор посёлка, – представилась она. – Мы рады вашему поселению у нас, доктор Кивин, и просим посетить мэрию. Это на втором этаже дома с магазином у платформы. Мы ждём вас.

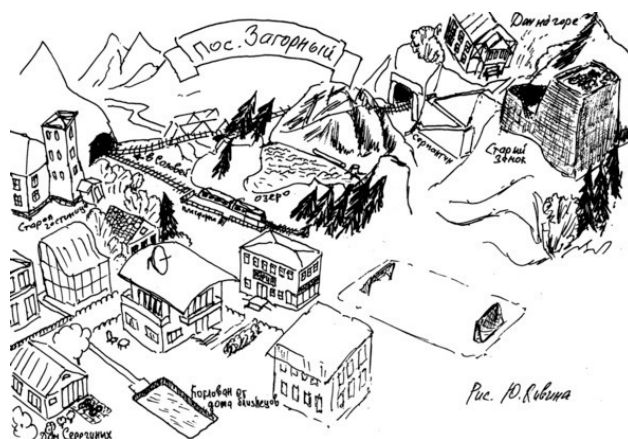
– А что случилось? – поинтересовался я.

– Наши мальчики нашли в песчаном карьере запечатанную бутылку. В ней оказалось письмо. Наш мэр просил связаться с вами, он сейчас на суточной смене в Соловье и присутствовать не может. Вы же историк? Вам может быть интересно.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Мы с Пусем можем скоро приехать. Это мой пёс.

– Да я слышала уже, – улыбнулась дама. – Приезжайте.

Скоро нас с Пусем подобрал попутный коптер и понёс вниз. В нём уже летела группа изыскателей, возвращавшихся в один из соседних городков. Лёту было всего несколько минут, и вот уже коптер завис над платформой, выпустив для нас трап. Мы с Пусем решили пройтись по посёлку, а потом уже топтать в мэрию смотреть на письмо.

Посёлок Загорный помимо исторической гостиницы и дома с магазином насчитывал с десятков частных домов, из которых один (наш) уже сбежал на гору. Было много зелени и тени, как понимаю, крупный колёсный транспорт тут не водился, и дороги заменяли широкие тротуары, вымытые до стерильной чистоты. Путь, любитель всяких кустиков, заметно приуныл.

Встретилась только пара робоколясок со спящими в них малышами, да старик на лавочке возле одного дома. Прошли в другой конец. Там у одного дома обнаружился котлован с водой, как понимаю, это и был дом Влады, а котлован от моего дома. Позвонили, но домофон сообщил, что хозяев нет. Обошли котлован кругом, пытаюсь уловить что-то необычное. Ничего, за исключением того, что Пусь наотрез отказался подходить близко к краю берега. Пошли обратно к платформе и мэрии. По дороге попала пара пацанов на моноскутерах-сегвеях, да те же робоколяски, очевидно, завершающие свой прогулочный маршрут. Тишина и покой, даже коты на подоконниках, которые иногда попадались взору, ленивые и сонные. Пусь попросил попить. Достал из рюкзака холодную воду в термофляге и напоил его с ладони.

В мэрию вёл отдельный вход. Пройдя услужливо открывшуюся при нашем появлении дверь, мы оказались в отлично отделанном «под старину» холле, в котором моё внимание привлёк невесть каким образом сохранившийся тут автомат электронной очереди. Он настороженно мигал зелёными огоньками.

– Здравствуйте, – несколько скрипучим голосом сказал автомат. – Мэра сейчас нет, принимает администратор. Как о вас доложить?

– Юрий и Пусь Кивины, – несколько удивлённо ответил я.

Автомат мигнул и выдал бумажный талончик с номером очереди, предложив подняться наверх по лестнице и немного подождать приёма. Лестница была мраморная, с дубовыми перилами, на площадке до потолка было огромное зеркало, в углу на подставке стоял чей-то бюст, а над зеркалом было круглое окно, в которое лился дневной свет. Номер очереди на талоне был первым.

Как только мы поднялись на площадку второго этажа и вошли в двери приёмной с диванами по стенам и ковром посередине, раздалась бодрая мелодия и тот же голос торжественно объявил:

– Посетители Юрий и Пусь Кивины к администратору!

Я не успел толком сориентироваться, как из какой-то двери вылетела Джека и внимание одного посетителя было сразу отвлечено. Пришлось отпустить его с поводка. Ко мне же, радостно улыбаясь, быстро подошла Влада.

– Здравствуйте, пойдёмте скорее! – она потянула меня за рукав. Я пошёл следом, снимая на ходу рюкзак.

В маленькой, но очень стильной комнатке администратора я увидел уже знакомую мне Надежду Ивановну и группу ребят разного возраста. На настенном экране был сеанс видеосвязи с молодой женщиной в красном. Влада меня быстро со всеми перезнакомила, на экране оказалась Марта Серёгина – её мать и местная учительница (она стала вести класс после отъезда семьи Петерса, совмещая с основной работой в научной экспедиции). Она сейчас была с мужем в Соловье. В картонном ящике лежала аккуратно открытая по донышку бутылка, а в папке на столе серый конверт и само письмо из него.

Мне рассказали, что бутылку нашли случайно карьерные роботы, приняли её за снаряд и остановили работу, ожидая инженеров. Те приехали, просветили предмет, выяснили, что он безопасен и открыли дедовским способом – раскалённой нихромовой проволокой. Это спасло бумаги. Лазерный резак их бы сжёг. Один из инженеров – Штефен Роберт, отец бывшего тут высокого и несколько застенчивого юноши Эдика Роберта (Эдик – имя, Роберт – фамилия, пояснил он при знакомстве) принёс письмо домой, но прочесть не могли, вроде по-русски, но очень странно. Отнесли утром в мэрию в учебный класс, но Марта была на дежурстве в Соловье, и письмо оставили администратору. Тогда Влада и вспомнила про меня и моё «архивно-историческое» прошлое.

Я осмотрел бутылку. Историческая бутылка, конечно, – штоф конца 19 века с царским гербом и инициалами заводчика на стекле. Современница гостиницы, между прочим, отметил я, вспомнив цифры «1896» на стене её башни. Достал из рюкзака тканевые перчатки и взял

в руки конверт. Пусь, чувствуя важность момента, оставил свою приятельницу и сел около моей ноги. На конверте уже была пара свежих жирных пятен.

– Это мои, – виновато пояснил Эдик. – Папа принёс, а мы как раз ужинали. Курицу ели.

Услышав про курицу, Пусь поскрёб было меня лапой, но быстро сообразил, что тут её нет и не будет, и снова затих.

От адреса на конверте остались отдельные буквы. Не прочесть. Приборами, может, разберёшь. Марок не было. Даже не клеили. Чистый конверт.

Взял само письмо. Написано было на дореформенном русском, но многие буквы автор писал на латинский лад. В результате я прочёл притихшей аудитории следующее:

«Дорогая Калерия Фёдоровна!

Надеюсь, что Вы с Кириллом пребываете в добром здравии. Думал приехать к Вам погостить в Купавну, но, встретив Вашего отца случайно в лавке на Кузнецком, узнал от господина профессора, что Вы уже уехали в Фрайбург, а оттуда в деревню на грязи. Ну, не беда, увидимся по возвращении обязательно.

Пишу же Вам вот по какому поводу. Наш приват-доцент Кобелевич, который ко всему прочему ещё и масон, на очередном собрании у зелёной лампы прочёл повесть, которую якобы написал его дед. В ней упоминается старый замок в горах под Фрайбургом, куда Вы собирались ехать ещё весной. Замок очень интересный. Зная Вашу увлечённость необычными вещами и масонством, очень бы рекомендовал при случае не пропустить побывать и потом рассказать нам...»

На этом письмо обрывалось. Подумалось, что отсюда Фрайбург очень далеко, как сюда вообще это письмо занесло? Я посмотрел на обратную сторону листка. Чисто. Машинально повернул его под углом к свету – так иногда можно было на толстой бумаге видеть стёршиеся карандашные следы. И открыл рот.

При боковом освещении проступили корявые буквы: «Дети ищут приключений. Вебсик».

Я взял мощную лупу и внимательно осмотрел поверхность бумаги. Никаких следов нажима чем-либо визуально не заметил, но ворсинки явно лежали под другим углом, что создавало эффект надписи. Присутствующие следили за моими манипуляциями, и тихо переговаривались, ожидая пояснений. Голосом судьи, читающего приговор, я наконец произнёс написанное. Наступило молчание. Первой опомнилась Надежда Ивановна.

– Позвольте, бумагу с таким очередным призывом этого «вебсика» мэрия получила вчера по почте среди прочей корреспонденции. Мы уже не придаём этому значения. – Она задумалась. – Наверное, она ещё в корзине.

Эдик и Влада мигом вытряхнули содержимое корзинки под столом администратора и с радостным воплем нашли скомканную бумагу. Она была осторожно расправлена и положена передо мной. На обычной писчей бумаге была та же надпись. Но как она попала на старое письмо?

– Надежда Ивановна, а вы сразу её выбросили? – спросила с экрана Марта. – Она не могла скопироваться на письмо?

– Обычно я это делаю сразу, – ответила администратор. – А тут не помню.

– Если скопироваться, то и на другие бумаги в корзинке могла, – подал голос сидевший в углу у окна Саша-маленький (в этой компании был ещё и Саша-большой).

Ребята отобрали у меня лупу и просмотрели все бумаги, попавшие в корзинку. Ничего не нашли. Я тем временем осторожно положил послание Вебсика в пластиковый уголок и завернул для надёжности в пищевую фольгу, рулон которой нашёлся в шкафу. Конверт с письмом удостоились той же участи. Постепенно в моей голове созрел план дальнейших действий. Идея Марты казалась мне вполне правдоподобной.

Я решил вечером сегодня же позвонить своему однокашнику Виктору, который был пару лет назад директором или заместителем директора архива по общественным наукам. При таких учреждениях была мощная исследовательская и реставрационная база. Она могла помочь проверить догадку.

Марта предложила связаться со старшим сыном уехавшего из посёлка Петерса Олегом, который, как выяснилось, был палеонтологом и работал на севере в местах таяния льдов. Тоже можно попробовать, согласился я. Но сперва я думал обсудить всё это дома с самим Вебсиком. Говорить вслух об этом не стал. Надежде Ивановне и Марте я клятвенно обещал сообщить тут же, если будут какие новости. Со Славой-мэром предстоял персональный разговор. Потом, вспомнив про намеченную расчистку тропы завтра, я пригласил всех на её «открытие». На том мы в мэрии и расстались. Хотелось быстрее вернуться на свою гору, но ребята потащили меня с Пусем из мэрии на озеро, которое я краем глаза уже видел с платформы.

На озеро от платформы прошли по короткой тропе, пробираясь под и между ветками густых елей. Влада шла за мной, я раздвигал и придерживал ветки, оберегая её, а она сзади помогала освобождать драгоценный рюкзак с бумагами, если он за что-то цеплялся. Тропа очень заросла, и идти было трудно. Тяжелее всех пригодилось Борису, который шёл перед нами. При своём маленьком росте он был достаточно «пухлым» и поразительно неуклюжим, казалось, что любая ветка способна его задержать и любой камешек – споткнуться. Впереди нашего маленького отряда шёл Эдик с долговязым Ароном, замыкали шествие два Саши. Джека, похоже, всерьёз занялась мышкованием, а Пусь вспомнил, что в славной истории породы цвергшнауцеров были конюшенные крысоловы, и не отставал от неё. Эта парочка чувствовала себя в зарослях лучше всех нас. В ряде мест пришлось перелезть через поваленные деревья.

По дороге я разговорился с Борисом. Паренёк оказался ходячей энциклопедией. Между периодическими «охами» и «уффами» он выдал мне много интересного по истории Соловья и Загорного. Жил он тут с бабушкой и дедушкой (похоже, его деда я и видел на лавочке в посёлке), родители трудились на стройке Ближнего Внеземелья, отец – монтажником, мать – врачом Космофлота. Сам Борис мечтал стать астронавигатором и летать в Дальний Космос. Но для этого нужна была физическая форма, а на простую зарядку его воли хронически не хватало.

– Не ты один, мне тоже не хватало, – утешил я его.

По словам Бориса, Загорный возник гораздо раньше Соловья, и никакой мифической битвы с уничтожившим всё тут огнём никогда не было. Была просто тектоническая активность, в результате чего место под посёлком «просело» и стало ниже замка. А некогда они были на одном уровне с уклоном к озеру, к которому мы пробирались. Арон, как выяснилось, увлекался геологией, и собранные им образцы пород убедительно это доказывали. Он даже успел сделать доклад на общеконтинентальной научной конференции. А Саша-большой сделал компьютерную модель изменений рельефа этого места.

– А про горную тропу ты что знаешь? – поинтересовался я.

– Очень мало, – ответил Борис, преодолевая, как выяснилось, последнее препятствие – мы вылезли на склон и вторую, широкую дорогу к озеру со стороны нашей с Пусем горы. – Там непроходимая чащоба, по карте и со спутника видно, что она вела через несколько перевалов и долин. В одной из них дольмены, древние захоронения, а больше ничего не встречал про неё. Мама, помню, говорила про целебные источники и грязи по ту сторону перевала, там сейчас санаторий космофлота построен.

Собаки нас опередили и весело крутились на вершине подъёма. Мы вышли на маленький галечный пляж. С него открывался вид на маленькое, с едва заметным волнением воды, почти круглое озеро с крутыми, почти отвесными каменистыми берегами, на которых местами росли

густые ели. На пляже лежало большое бревно, и сбоку у самого горного склона из зарослей торчал полузатопленный пенёк, верх которого был аккуратно отпилен.

– Это пенёк Вебсика, – сообщила Влада. – С него он ловит тут рыбу.

– Так, – решительно сказал я, усаживаясь на краю бревна. – Давайте начистоту. Я знаю, что этот Вебсик живёт в моём доме. С ним можно общаться через систему умного дома. У меня получилось вчера, по крайней мере. Что известно вам, рассказывайте.

Два Саша вытащили из зарослей у пенька припрятанную в них пару туристических «пенек» и улеглись на них, остальные разместились со мной на бревне. Пусть и Джека устроились за моей спиной. По молчаливому согласию ребячьей компании рассказывать стала Влада.

По её словам, Вебсик начинал проявлять себя, когда дети посёлка вырастали настолько, что принимались сами активно искать в информационной сети различную информацию по сложным запросам. Пока интересы не вылезали из рамок детской и мировой энциклопедии, школьных курсов и разных игр, он себя не обнаруживал. Но когда ребёнок принимался, скажем, искать родичей китов или земноводных на Альфа Центавра, то через несколько неудачных попыток сеть начинала выдавать различные ассоциативные запросы, а потом и вообще перенаправляла на некие скрытые ресурсы, на которых постепенно начинал подключаться диалог с Вебсиком. В социальных сетях, как оказалось, ходило про него немало легенд и образовалось несколько сообществ, обсуждавших данный феномен, но никто не мог привести ни одного конкретного адреса – Вебсик маскировался идеально. Я так понял, что все члены этой компании так или иначе побывали в «объятиях» Вебсика, и их интересы выходили далеко за среднестатистические рамки. Опыт виртуального общения с Вебсиком был у них у каждого свой.

Слушая рассказ Влады, я подумал о том, что Вебсик вполне мог быть порождением или реликтом информационных кибервойн прошлого периода. Это сейчас на планете континентальная администрация и никаких тебе государств и наций. А тогда – как муравейник, все друг за другом шпионили, давили санкциями, а то и оружием долбали друг друга. По курсу истории я знал, что страны и разведки соперничали в области информационной даже сильнее, чем в экономической. Тогда вполне могли создать что-то такое самоорганизующееся для этих целей, а потом забыть или просто упустить. Был же такой фантастический роман, где создали мощный сетевой интеллект для защиты от внешней угрозы инопланетного завоевания, а он после долгого бездействия поработил самих землян.

– Хорошо, – сказал я, когда Влада сделала паузу. – Примерно понятно. А эти записки в мэрию, а ловля рыбы на пенёке? Вы его самого видели что ли?

– Видели, – ответил за всех Арон.

У меня в рюкзаке загудел коммуникатор. Пока дотянулся, расстегнул застёжку и достал, гудок кончился. Но на экране было сообщение: «Пришлите Джеку. Вебсик». Я показал его ребятам.

– Он сам хочет вам показаться, – сказал Арон. – Любопытно.

Я по совету Влады взял Пуся на поводок, а она нагнулась к уху Джеки и что-то ей сказала. Та мгновенно убежала. Я посмотрел параметры сообщения, но исходный номер был забит нулями.

– Ха, – сказал Саша-маленький, наблюдая за моими попытками. – Это он у всех так. Не поймать.

Из дальнейшей беседы я выяснил, что визуализация Вебсика могла принимать разные материальные формы. Борис, например, встретился с ним в грозу, приятно побеседовав с залетевшей к нему в комнату шаровой молнией. Саша-большой, Влада и Эдик видели его в качестве самобегающей «микросхемы», прототип которой был некогда создан в школьном компьютерном кружке рыжим Михом для имитации тараканьих бегов, и теперь сей артефакт хранился в «музейном» шкафу в классе. В отличие от конструкции Муха это была очень умная микросхема, она даже могла немного левитировать. Саша-маленький видел только говорящую с ним

рожицу-смайлик на планшете, а к Арону Вебсик однажды залез в шлем виртуальной реальности в образе мохнатого колобка. Джека вернулась минут через двадцать и осторожно подошла к пеньку. Я хотел было посмотреть поближе, но ребята меня удержали:

– И не пытайтесь. Только издали. Серьёзно.

В шортах Бориса нашёлся довольно мощный визор, который мне и дали для наблюдения. Только я навёл на резкость и поймал в объектив маленькую чёрную пластинку, действительно похожую на микросхему со множеством тоненьких волосяных ножек-выводов по краям, которая довольно быстро двигалась к центру пенька, как снова загудел коммуникатор. На сей раз всего три слова: «Включите. Срочно. Вебсик».

– Громкую связь включить просит, – первым сказал Борис.

Я выполнил просьбу. И почти тут же из коммуникатора раздался знакомый голос моего дома:

– Опасность. Срочное предупреждение. Всем уйти из Соловья!

Эдик стал срочно связываться с администрацией посёлка, но почти тут же мы все увидели как на горизонте, в стороне Соловья стусилась туча, засверкало небо и через некоторое время стал слышен низкий непрерывный гул. Поднялся ветер, и по озеру пошла сильная рябь.

– Мама, папа, – беззвучно прошептала сразу побелевшая Влада.

– Бежим в посёлок, – скомандовал я. Потом я пытался понять, как это у меня получилось, но не мог. Напрочь забыв предостережение не приближаться к пеньку, я прыгнул к нему, схватил кончиками пальцев крохотную «микросхему» и сунул её в кармашек на лямке рюкзака. Мы все понеслись в посёлок. Вспоминая этот спурт потом, я всегда думал, что ёлки сами отвели перед нами и особенно перед Борисом свои ветки, а камни убрались с дороги. Когда мы выбежали из ельника, то увидели, как над маленькой платформой Загорного спускался громадный дисколёт спасательной службы. Сверкание на горизонте и низкий гул продолжались. В посёлке выла сирена. Перепуганный Пусь жался к моим ногам.

Спасатели уже поставили на рельсы какую-то продолговатую, отливающую перламутром ракушку, как из тоннеля вылетел дизель и еле успел затормозить перед нею. Из вагона дизеля на насыпь стали выпрыгивать фигурки людей. Я издали узнал Славу и красное платье Марты – их смена вернулась! Влада хотела было кинуться к родителям, но Эдик её удержал.

– Погоди, видишь, что творится. Им не до нас.

Спасатели снимали с путей вагоны дизеля, видимо освобождая путь «ракушке». Я тихонько спросил Бориса, что это такое.

– Танк высшей защиты, – ответил он. – Космической. Изоброневой. Наверное, поедет по тоннелю. Видите, его на тележки ставят уже.

Сирена в посёлке смолкла. С дисколёта выгрузили какие-то контейнеры, и он улетел. Танк медленно скрылся в тоннеле. На горизонте тоже сильно стихло. К нам подошёл заметивший нашу группу Слава.

– Ну вот и дождались попадания в вечерние общепланетные новости, – сказал он, целуя дочь. – Шарахи сдвинулись. Теперь жди репортёров...

«Шарахами» на жаргоне «хроников» назывались зоны пространственно-временной интерференции, опасные для людей потерей памяти. Это я знал.

– Там кто остался? – спросил я.

– Нет, у нас правило не проводить там пересменку.

От сердца отлегло.

– Вы как тут? – спросил Слава.

– Нормально, – ответил за всех Борис.

Вскоре, попрощавшись с ребятами и со Славой, мы с Пусем направились к серпантину подниматься домой на свою гору – коптеры были заняты другими перевозками.

На горе нас ждал очень расстроенный дом.

– Вебсик уехал, – сразу грустно сообщил он, едва мы с Пусем переступили порог холла.
– Вебсик приехал, – возразил я, вспомнив про «микросхему» в рюкзаке. – Дай отдышаться.

Дом ничего не ответил.

Набегавшийся и голодный Пусь, видимо, излучал такое сильное желание, что в столовой к нему прибыла миска вдвое больше обычного. Но пёс поел немного и тут же уснул. Я помещивал ложкой горячий суп и думал о том, что по времени ужинать уже не придётся – солнце уже садилось. Попросил включить трансляцию новостей.

Когда на экране замелькали кадры из Соловья, я уже доедал второе блюдо. Диктор сообщил об изменении положения пространственно-временных интерференций «изучаемой аномалии», пустил интервью с директором Института Времени академиком Смитом, потом на экране показали кадры Загорного и выгрузку танка (наша компания в кадр не попала), пару слов на ходу сказал в камеру Слава.

– Только что получено новое сообщение, – сказал диктор, взглядываясь куда-то в бок экрана. – В районе исследований и посёлке Загорном объявлен оранжевый уровень опасности. Сообщение с данным районом некоторое время будет ограничено. Администрация континента и местная администрация просят с пониманием отнестись к временным ограничениям и воздержаться от туристических поездок.

Через некоторое время дом сообщил, что завтрашняя заявка на расчистку тропы временно откладывается в связи с форс-мажорными обстоятельствами. Я улыбнулся такому официозу.

– Ладно, пусть отложат, – согласился я. – Можно ещё бокал витаминного?

После перекуса я отнёс спящего Пуся в его лежанку в нашей спальне, а сам устроился в кабинете с рюкзаком. Предстояло вынуть «микросхему» и побеседовать с Вебсиком про утренние бумаги. Приготовил лупу и борисов визор, который впопыхах забыл ему вернуть. Расстегнул клапан кармана и на всякий случай отошёл подальше, ожидая появления «микросхемы». Но никто не появился. Это несколько озадачило.

– Вебсик дома? – спросил я на всякий случай.

– Вебсик уехал, – повторил дом. – Вебсика нет.

– Что значит «нет»? – спросил я, прекрасно зная, что информационные системы такого рода вопросы очень не любят.

– Нет связи, нет коммуникации. Нет кода, – сказал дом.

Набравшись смелости, я потряс рюкзак над столом. Из кармашка высыпались какие-то зёрнышки, какой-то ещё мусор и некогда найденный и благополучно забытый шильдик с надписью «Сделано в СССР»... И всё. Поискал в ящиках стола фонарик и осмотрел с ним внутренности кармашка – в одном месте ткань, как мне показалось, будто слегка оплавилась. И в углу у шва вроде была маленькая дырка. Проверил снаружи – второй шов был цел. Между ними ничего вроде не прощупывалось. Н-да, ситуация...

Я погрузился в медитацию, стараясь максимально освободить мозг и раскрыть подсознание. Обычно так приходили подсказки, что делать дальше. Взгляд медленно скользил по кабинету.

Почти все предметы тут были моими личными. Кроме камина и двух кресел перед ним. Одну стену занимали пять книжных шкафов – несмотря на удобства кристаллокниг, я всю жизнь хранил и пополнял по мере сил собранную ещё моими предками библиотеку. В ней были даже издания ещё девятнадцатого века. Но основная часть – вторая половина двадцатого, эпоха того самого СССР. Была некогда такая великая, героическая и трагическая страна на этой планете.

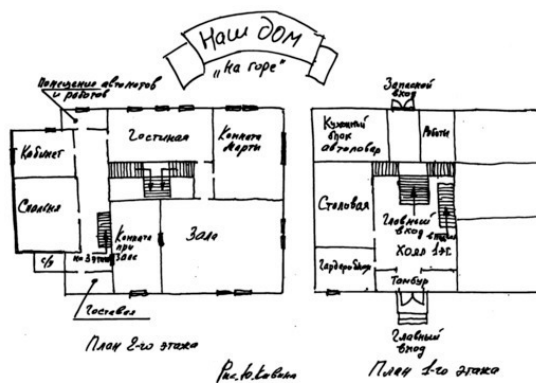
Посередине торцом к окну стоял большой раритетный двухтумбовый стол образца европейского мебельпрома ещё «дээспэшных» времён, но с суперсовременным пластикреслом,

между столом и стенкой у окна примостился серый параллелепипед мегаинформатория – настоящей звездолетной библиотеки на кристаллах, хранящей почти полный свод знаний человечества цивилизованного. Я его заимел совершенно случайно, когда работал экспертом в одном из континентальных советов и имел доступ к списываемой с кораблей технике. Не совсем легально, конечно, но дело прошлое, а штука потрясающе удобная.

Противоположную стену занимал диван, окно и маленький комод в углу у самой двери, на котором сверкала хромом кнопок и ручек раритетная аудиосистема конца двадцатого века, найденная мною в студенческие годы в заводской упаковке и с незаполненным гарантийным талоном на пять (!) лет на одной из свалок Рио в Южной Америке, где будущие историки проходили практику полевых изысканий. На деле этому чуду было уже около двух с половиной веков. Как оно так идеально сохранилось – остаётся только догадываться. Там же я нарыл и коллекцию компакт-дисков к ней, причём часть из них была с русским шансоном и эстрадой второй половины двадцатого века, которую я очень любил. Ко мне даже из московской Гнесинки приезжали, перезаписывали.

Семейными реликвиями были настенное панно с павлинами над диваном, и стоявший особо рядом с угловым камином прапрадедовский резной ореховый стол, на котором был выставлен настоящий музей фамильного антиквариата – бюст Данте, бюстик Наполеона, каменный письменный прибор... Всё это я помнил с раннего детства.

«Дом, молодец, постарался», – подумал я, когда взгляд остановился на камине. Его широкая толстая доска из белого мрамора опиралась на массивные боковины, тоже белого камня с прожилками, над камином было большое зеркало в резной «дубовой» раме, по углам были поставлены подсвечники с толстыми витыми свечами. Имитация была полная. Перед камином не хватало только Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Старая Англия, да и только. Мне сейчас тоже не хватало Холмса. Где искать пропажу и Вебсика, я не знал.

Я вышел в холл. На втором этаже «освоенной» части нашего дома располагались спальня, гостиная и кабинет. К спальне примыкала маленькая туалетная с душевой. Были ещё две маленькие комнаты – «кладовая», в которой размещались мобильные обслуживающие агрегаты, их зарядные станции и другое оборудование и автоматика дома, и пустая ещё комнатка, в которой думалось сделать гостевую спальню. Все «двери» (точнее – дверные проёмы, которые в современных домах их заменяли) из комнат выходили в холл, помимо парадной лестницы вниз из него вела узкая угловая лестница вверх в мансарду, громадный объём которой был совсем пуст.

В том, что я тогда взял «микросхему» с пенька и положил в кармашек, я был полностью уверен. Либо она оттуда сама «сбежала», либо выпала по дороге. В первом случае имело смысл подождать, может она сама и объявится где, а во втором – заново пройти весь путь и искать, но с чем?! У меня был чувствительный металлодетектор, был гравиметр для поиска пустот

и, если понадобится, «шарах» в Соловье – и был Пусев нос, которому надо было ещё как-то объяснить, что вынюхивать. Был ещё маятник, можно было им пройти по плану от озера до платформы и дома. Хотя... Стоп.

Вебсик приехал на Джеке. Как? Я видел только, как она подошла к пеньку и на нём возникла «микросхема». Кажется, Борис упоминал про левитацию. Джеки с нами на платформе не было, по крайней мере в памяти не осталось, чтобы она вертелась под ногами. Осталась там? Тоже версия для проверки.

– Дом, – спросил я. – Нужна информация, как Вебсик ездил на собаке?

– Ошейник с чипом, – ответил дом. – Контактное перемещение.

А, уже что-то. У Пуся такого ошейника не было, на нём Вебсик, значит, ездить бы не смог. А у Джеки, значит, был, и та его «микросхема» – это всего лишь форма для контакта с этим чипом. Да, а потом – на пеньке? Там же нет чипа. Опять не вяжется...

Из спальни вышел Пусь, потянулся и громко произнёс своё коронное «Уаа!» Потряс ушами и полез «целоваться» – давно не виделись, мол.

– Дом, – медленно произнёс я, пытаюсь сформулировать ещё не ясную идею, вдруг зашуршавшую в уголке моего сознания. – Как Вебсик возвращался обратно домой?

– Джека приходила, и сканеры его снимали, – ответил дом.

– А он мог вернуться один? Без Джеки?

– Через терминал мог, – ответил дом. – Возвращался.

– Дом, назови номер и тип чипа на ошейнике Джеки.

Эту информацию обычно идентифицировали сканеры умного дома, и я её быстро получил.

Я вернулся в кабинет, подсел к терминалу и вскоре выяснил, что на ошейнике Джеки стоял служебный чип Института времени, который предполагал наличие особой дрессировки животного и пси-контакта оператора с ним. Я вспомнил «тихий» диалог Влады с её собакой и подумал, что оператором могла быть она. Стало понятно, как Вебсик организовывал диалог с нами на озере – в этот чип был встроен передатчик на личные коммуникаторы, действовал он в радиусе нескольких метров.

– Дом, – сказал я. – Запроси чип.

– Нет ответа, – сообщил дом.

– Тогда дай координаты пеленга его последнего местонахождения по истории.

Джека была ещё на озере.

Пока мы с Пусем спускались по нашему серпантину вниз, меня посетила догадка, что Вебсик мог и не покидать чипа на ошейнике. «Микросхема» на пеньке могла оказаться просто мобильным датчиком и особой ценности не представляла. Искать, таким образом, предстояло Джеку и её ошейник. Уже много проще.

Перед подъёмом к озеру я прикрепил на ошейнике Пуся альпинистский радиомаячок (на всякий случай) и попросил пса найти Джеку. Тот завертел хвостиком и исчез впереди. Вскоре его лай послышался мне где-то в стороне от озера. Я поспешил туда. Пусь стоял на тропе, по которой мы неслись к платформе, и лаял в скрытую травой расщелину. Как её миновал тогда Борис или кто-то из нас – загадка. Я раздвинул траву и на дне у края каменной глыбы увидел тело Джеки.

Коптер спасателей появился по моему вызову через несколько минут, и мы извлекли собаку. Она была жива, но сильно расшиблась при падении. Удар о камень пришёлся на чип на ошейнике и расколол его. Я аккуратно снял с собаки ошейник, и ею занялась девушка-спасатель из экипажа коптера. Нам с Пусем нашлось место в уголке на каком-то ящике у бокс-носилка с Джекой. Пусь залез ко мне на колени и время от времени тихо поскуливал, трогая лапой матовую стенку бокса. Через несколько минут мы спустились в посёлке у дома Серё-

гиных, там уже ждала вызванная спасателями ветеринарная «неотложка» и Слава. Мы с ним помогли спасателям перенести в неё бокс с Джекой. Влады и Марты дома не оказалось.

Девушка-спасатель успела в полёте бегло сделать диагностику и сказала нам, что позвоночник цел, но сломана задняя лапа, пара рёбер и сильная травма головы и шеи. Шею от перелома спас чип. Он принял на себя и увёл в бок удар об острую кромку камня. Коптер спасателей улетел, из «неотложки» никто не выходил. Я коротко рассказал Славе, где нашёл собаку, и спросил про чип.

– Да, она проходила спецподготовку в Институте, – подтвердил он. – Чип её, именно. А нашёл я её щенком на вокзале в Соловье. Она одна из всего выводка уцелела – отползла от «шарахи».

Наконец появился медик «неотложки».

– Жить будет, – улыбнулся он. – Досталось ей крепко. Забираем её с собой, несколько дней интенсивной терапии и регенерации и привезём её вам на долечивание. Опасности уже нет.

Пусть радостно тяфкнул.

– Вернётся твоя подружка, – потрепал я его. – Будете опять на лапах носиться.

Как только фургон ветеринарной «неотложки» улетел в сторону ближайшего города, появились Влада и Марта. Они, как оказалось, тоже искали Джеку, но в посёлке. Наши новости обе выслушали со слезами на глазах.

Я попросил разрешения взять с собой ошейник с чипом. Влада сразу насторожилась. Когда её родители ушли в дом, и мы остались одни, она спросила, смотря мне в глаза:

– Что-то с Вебсиком?

Я кивнул. Кратко пояснил, что сам толком ничего не знаю, надо думать, и предложил ей с ребятами собраться завтра у нас на горе в гостинной.

На том мы и расстались.

На свою гору мы с Пусем поднялись по серпантину уже затемно. Дом предусмотрительно зажёл подсветку, идти было уютно, но мы оба крепко устали. Я заставил себя поесть предложенный домом ужин, Пусть отказался, только попил воды. Потом я присел в кабинете на диване, рассматривая ошейник Джеки с чипом, но сморило быстро. Перед тем как заснуть, я ещё подумал, что дни проходят что-то очень насыщенно...

День третий

Проснулся я через несколько часов и сразу не понял, где – под головой оказалась подушка, сам я был заботливо прикрыт пледом и положен на диван, а в ногах у меня на спине спал Пуся. Я приподнялся на локте и посмотрел в окно. Оттуда на меня смотрела звёздная ночь. Звёзды были большими, яркими точками выделялась пара видимых отсюда орбитальных городов. На подсвеченных холодным светом снизу развалинах крепости лежали резкие тени, создававшие причудливую контрастную картину. На вершине её башни горели сигнальные огоньки. Старый замок в ночи напоминал призрак «Летучего голландца» с огнями Святого Эльма на реях. Далеко внизу тёплым пятном светился посёлок. Красиво.

Джекин ошейник лежал на полу рядом с диваном.

Я осторожно повернулся, чтобы не тревожить Пуся (я любил, когда он так со мной спал), и поднял ошейник. Свет не зажигал. Вдруг вспомнил, что Саша-большой, Влада и Эдик, хотя и видели «микросхему», но не факт, что Джека была рядом. Так что гипотеза «мобильного датчика» хромала. Борисову шаровую молнию она тоже не объясняла. Да и сам чип на ошейнике по своим размерам резко отличался от привычных собачьих чипов-адресников, не говоря уже о живляемых. Мне раньше не приходилось сталкиваться с такими крупными конструкциями. В ночи его широкие грани светились «шунгитовым» блеском, да и сам он напоминал некое украшение. Я присмотрелся. К ошейнику чип крепился металлической подкладкой. Наверное, молекулярная «липучка», решил я.

Я понимал, что «методом тыка» тут ничего не сделать, но вставать и садиться за терминал не хотелось. Зашевелился Пуся, почесал ухо и опять затих, шумно вздохнув. Я потёр пальцем линию разлома. Она проходила немного наискосок и делила чип на две неравные доли. Он треснул от удара, но не рассыпался. Порыл в памяти варианты восстановления твердотельных устройств, но то, что мне было известно, не касалось механических повреждений. Положил ошейник обратно на пол, начал было обдумывать завтрашнюю беседу с ребятами и незаметно опять уснул.

Гости к нам пожаловали в одиннадцать утра. Все ребята, кроме Влады, которая с матерью улетела навестить Джеку и ожидалась позже. Пуся для порядка пару раз по-хозяйски гавкнул на шум с серпантина, выполняя свои охранно-сторожевые функции, но как только они поднялись к дому и стали все видны, встретил как лучших друзей.

В гостиной на большом овальном столе уже лежал ошейник Джеки и мой рюкзак, папки из мэрии, а сервировочный робот заканчивал расстановку вазочек с печеньем и мармеладом. На нескольких подносах стояли бокалы и кувшины с соками. Вокруг стола стояли массивные дубовые стулья с высокими спинками, что придавало помещению несколько помпезный вид.

Когда все расселись, я начал рассказ. Примерно в середине его появилась Влада, в уже знакомом мне по первой встрече зелёном с ромбами по бокам комбинезоне и лётным шлемом в руках.

На своём мотоплоте, значит, прилетела, машинально отметил я. Сам я этой машинки побаивался. Четыре кольца с пропеллерами, изогнутая труба с седлом и велосипедным рулём и маленький пузырь энергоблока под седлом мне не внушали доверия. К тому же при её «потолке» в 500 метров забираться к нам на гору на 300 метров достаточно рискованно, особенно при ветре. Влада успокоительно всем кивнула, мол, с Джекой всё в порядке, и села на свободный стул рядом со мной. Я как раз рассказывал о событиях на озере и своей попытке положить «микросхему» в рюкзак.

– Я совершенно убеждён в том, что мне удалось её взять пальцами и перенести в отсек рюкзака, – сказал я. – Я помню свои тактильные ощущения – как кусочек соломки. И напрочь забыл ваши предостережения. Просто взял в руки и всё. Не думая.

Борис и Саша-большой подтянули к себе рюкзак и изучали его карман, Эдик с закрытыми глазами водил пальцами по ошейнику Джеки, Влада о чём-то сосредоточенно размышляла, смотря в стол. Тогда, у озера я мало что успел рассказать ребятам из своего опыта знакомства с этим «Вебсиком», больше рассказали они. Теперь я рассказывал подробно, стараясь не упустить детали. Под конец я сформулировал несколько проблем, которые видел.

– Во-первых, это особенности моего очень умного дома, они явно нестандартные и хотелось бы знать, как они были приобретены и когда, и можно ли с ними спокойно в нём жить. Во-вторых – сам Вебсик, как материализация сетевого интеллекта. Это очень интересный и новый феномен, и будет безумно жаль, если он потерян. Его надо стараться найти и вернуть диалог с ним. В-третьих, чип на ошейнике, его свойства. Ну и, в-четвёртых, наше с вами восприятие Вебсика.

Тут я взял пластиковую папку с запиской в мэрию и вытащил бумагу с корявыми буквами.

– Розыгрыш это или нет?

– Дом сказал, что Вебсик не вернулся? – спросила Влада.

– Нет, он сказал, что он «ушёл», – ответил я. – Впрочем, это мысль, спросим ещё раз! Дом, Вебсик вернулся?

– Нет информации, – ответил дом. – Сканеры не видели.

– Дом, как ты нашёл чип Джеки?

– По истории пеленга, – ответил дом.

Правильно, я же сам ему это подсказал. Попробуем по-другому.

– Дом, Вебсик ушёл в чип Джеки?

– Он ушёл с ним, – ответил дом. – Сканеры пропустили его код.

– Код? – спросил Эдик. – Мы путаемся в языке.

– Верно, – кивнул Борис. – Смотрите, что получается. Вебсик сообщает дому и чипу код присутствия, с этим ещё близнецы игрались, помните?

– Какие близнецы? – не понял я.

– Сыновья дяди Петерса, которые тут жили, – пояснил Борис. – Башковитые малые были.

Выяснилось, что «башковитые малые» очень ценили своё время и были не прочь прогулять обязательные часы домашних уроков. Они и придумали способ убедить «обучалку» – домашнего робота-учителя, что прилежно сидят перед ней и зубрят из последних сил. Правда, это было скоро раскрыто их же родителями и им влетело. Как они это сделали, никто из ребят толком не знал, но легенда об этом «подвиге» ходила. Учитывая то, что «обучалка» фиксировала учеников по радужке глаза и отпечатку пальца на тачпаде, близнецам нужно было посадить перед ней своих полных дублей. Близнецы сделали проще – они смогли перехватить код присутствия, который генерировался обучалкой, и внедрять его. Похоже, что к Вебсику они тоже приложили мозги и руки.

– Где они сейчас? – поинтересовался я.

– Сперва мы общались, – ответил Эдик. – А потом они уехали в колледж СБ и связь оборвалась.

Ясно. Их способности заметила СБ – служба безопасности. Влезать в сферу её компетенции мне сильно не хотелось. По жизни, конечно, мне приходилось иметь служебные контакты с «безопасниками», но я старался их минимизировать.

– Думается, я могу вам кое-что пояснить, – вдруг раздался голос от двери.

В её проёме стоял сильно помолодевший рыжий Мих.

Мы все не сразу поняли, что видим голограмму. Я догадался об этом по отсутствию какой-либо реакции Пуся. Он уже сидел у Влады на руках и только повернулся в сторону нового голоса. Не сразу поняли мы и другое, что дом воспроизвёл нам запись, которая некогда была адресована близнецам. Запись была прослушана в полном молчании.

Мих сообщил, что поиски идеи, которая вчера обсуждалась (какой?), успешно завершены. Система успешно обновлена и имеет требуемые (опять, какие?) функции в дополнение к стандартным. Для их актуализации надо использовать удалённый модуль «Вебсик», назывался пароль запуска.

– Дальше всё пойдёт само собой, – лучезарно улыбнулся Мих и исчез.

– Оно и идёт, – хмыкнул Борис. – Само собой.

Пока мальчишки «переваривали» увиденное и услышанное, я тихо поинтересовался у Влады, как Джека.

– Глаз повреждён, – так же тихо ответила она. – Надеются залечить. Пока в статике, вставать не дают. Нас узнала, мотнула хвостом.

– Ну, будем надеяться, что вылечат псинку, – ободрил её я. – Мама в посёлке?

– Да, – сказала Влада. – Помогает отцу с репортёрами. Пресс-конференцию днём хотели дать.

– Мне, наверное, нужна будет её помощь. Хотелось бы увидеть дневники учебного класса того периода, когда в нём учились близнецы и Мих.

– Это надо в континентальный архив запрос делать, – сразу сказала Влада. – Все классные журналы там хранятся. Я точно знаю, сама помогала маме оформлять сдачу в конце года. Хотя профили могут и в классе храниться.

– Профили?

– Да, профили наклонностей, интересов, в музее класса пара Миховых «тараканов» хранятся. Типа достижения учащегося пятого года обучения.

– Ну, на показанном нам обращении он на пятигодника не похож, – заметил я. – там скорее восьмигодник-выпускник.

Влада согласилась.

– Его тараканы уже легендой обросли, – сказала она. – Он же их сделал к Олимпиаде и пытался заявить как киберолимпийский вид спорта! Даже письмо в МОК написал. И получил официальный ответ, что для подачи заявки на вид спорта ему надо разместить петицию на сайте МОК и собрать под нею не менее пяти миллионов подписей. Петицию он разместил, не думайте, что нет. И её миллиона три подписало!

– Серьёзный был пятигодник, – улыбнулся я.

Тараканы меня интересовали мало, но на заметку взял, при случае надо глянуть. И профили тоже, если найдутся.

Мальчишки начали оживлённо спорить. Я прислушался.

А в памяти всплыла другая картина. Мне пять лет, мы с мамой и двумя бабушками только что приехали из затопленной непрерывным двухмесячным ливнем Москвы к отцу на станцию Сандугач, на базу его изыскательской партии. Уже второй год продолжались природные катаклизмы, ось планеты сместилась, полярные льды почти исчезли, на континентах под воду ушли большие прибрежные города, пожары и землетрясения гуляли по континентам, контуры Европы стали напоминать известную фигуру из пальцев, обращённую в сторону Америки, а Северная Америка по форме теперь напоминала запятую. Воды Атлантического и Тихого океанов сомкнулись.

Над Москвой тогда навис фронт мощного циклона, город защитили было силовыми полями, но случилась крупная авария энергосети, и за два дня город был затоплен, уровень воды в Москве-реке поднялся на восемь-двенадцать метров. Попытки оперативно исправить ситуацию ни к чему не привели. Жителей из затопленных районов города стали эвакуировать, вот мы и уехали к отцу в залитый солнцем Сандугач. И точно так же, как сейчас эти мальчишки, сидели за длинным столом и спорили бородатые геологи, топографы и инженеры с обветренными и выжженными солнцем лицами...

Мы вернулись в Москву через пару лет, вроде тогда и переименовали этот посёлок на русский лад – Соловей. А мне Сандугач нравился. Представлялся такой изогнутый как лук «дугач» с приставкой «сан», как «сантехник». Помню, что отец сразу не понял, про какого «дугача» я его спрашивал, а потом долго смеялся.

– Ребят, послушайте, – горячился Саша-большой. – Арон же дело говорит. Надо сделать информационную модель чипа с ошейника, но эталонную, какой её Институт времени выпустил. И на неё накладывать сканы этого чипа – и все изменения вылезут. Чип перепрограммирован, точно говорю.

– Нет, – возражал Борис. – Чип – это следствие, а причина в системе умного дома. Мих же сам сказал: «система». Он в ней копался. У него и надо спрашивать.

– А ты не думал, с чего это Мих, такой гений, как получается, вдруг не прошёл профотбор и стал простым агентом домики продавать? Он ничего не скажет, он сам перепрограммирован, – вставил Эдик.

– Тесты нужны, – тихо внёс свою лепту Саша-маленький. – Как в робототехнике. Нужно определить законы Вебсика, по которым он живёт. Тогда будет ясно, где он может жить и как.

– А если он сам себе законы пишет? – не унимался Борис.

Пусть вдруг залаял и побежал к выходу.

– Гости, – известил дом.

Я спустился вниз. У прохода силовой ограды стоял рыжий Мих собственной персоной. Не молодой, а такой, каким я его знал. Здоровый и рыжий. Признаться, меня не удивило его появление. Чего-то подобного я уже интуитивно ожидал.

– У вас всё в порядке? – спросил он, потрепав Пуся.

– Нет, – честно ответил я, решив не «темнить». – Пропал Вебсик.

Мих кивнул и вместо ответа протянул мне сложенный пополам листок. Я развернул его. На нём знакомыми корявыми буквами было написано: «Нужна помощь. Вебсик».

Наше с Михом появление в гостиной вызвало немую сцену. Новая записка от Вебсика обошла всех. Спорщики замолчали. Пусть опять попросил Владу взять его на руки. Не гоже в такой момент цвергшнауцеру сидеть под столом и ничего не видеть.

Я выжидательно посмотрел на Муха.

– Я получил эту записку вчера поздно вечером, – начал он. – О Вебсике я знаю давно, ещё со школы. Я немного расскажу, что помню. И что могу рассказать, – добавил он.

По словам Муха, на Вебсика его вывела та «олимпийская» эпопея, когда, разместив собственноручно написанную и проверенную на ошибки петицию, воодушевлённый пятигодник начал поиски единомышленников. В социальных сетях его подняли на смех, и уязвлённая гордость направила интерес в сторону различных концепций и теорий управления и изменения реальности. Нашёлся очень удобный поисковик, который и привёл его в какую-то тщательно закрытую, но очень полезную сеть – по её советам число подписчиков петиции стало расти как на дрожжах. Какие-нибудь политтехнологи советовали, подумал я, как раз в те годы после катаклизмов они расцвели буйным цветом.

В той сетке оказался очень интересный портал. Мих с него получил возможность узнавать ответы на самые каверзные вопросы и незаметно втянулся в диалог. Его незримый собеседник просил называть его «Вебсиком». Обсуждать можно было всё на свете. Озорства ради Мих запустил в мэрию посёлка Загорный (сам он жил в другом посёлке, ближе к долине) несколько петиций с ребячьими чаяниями, создание которых сопровождалось формированием нужного информационного поля в зоне будущих изменений. И под натужные стоны поселковой администрации стали появляться и футбольное поле с воротами, где можно было погонять мячик, и тир, и куча всяких полезных мелочей. Вебсик становился местным героем, отстаивающим ребячьи интересы. Когда подросли близнецы, то Вебсику через Муха приходилось сдерживать запросы их неуёмных душ, но однажды...

Однажды близнецам надоел скучный и предсказуемый дом, в котором они жили. Они жаждали свободы. По их мнению, «обучалка» должна была не стоять в комнате и бубнить в подкорку мегабайты знаний, а валяться с ними на берегу озера или плыть на плоту. А ещё лучше провалиться куда-нибудь и не путаться под ногами. Знания должны приходиться сами, у человека должен быть открыт канал их получения от Вселенной. Прослышав, что это некогда в библейском Рае и делал Адам, близнецы однажды за вечер замучали своими вопросами появившегося было в Загорном очередного проповедника и спасителя грешных душ, обратив его в «усомнение» и в паническое бегство «от дьявола» на утреннем дизеле. Мих после долгих колебаний познакомил их с Вебсиком, и близнецы начали разработку своего проекта. И начали они со своего дома.

Их идея сперва наткнулась на недостаток знаний, и оба погрузились в процесс его восполнения. В этом им очень помог портал с Вебсиком, подсказывающий ссылки на нужные гипнокурсы. От Вебсика близнецы были в восторге. Потом их идея наткнулась на полный бардак в перегруженных информацией головах. Порядок в головах наводился, по понятию близнецов, близостью к природе, созерцанием водопада и рыбной ловлей. Но была «обучалка», которая придерживалась иных принципов. Поэтому близнецы занялись поиском способа её обхода. Способ был найден, но однажды, во время его применения, мама близнецов в поисках пропавшего кота заглянула в «учебную» комнату и, вместо прилежно зубрящих чад, нашла на одном из кресел только погружённого в медитацию кота. После вечернего разговора с отцом и натуральным знакомством со старыми методами воспитания, близнецы пришли к выводу, что надо просить помочь Муху. Тот был уже восьмилетним и готовился к профотбору.

В нашем обществе каждый его юный член, не зависимо от пола, после окончания школьного курса проходил профотбор и получал по его рекомендациям обязательную профессию. Потом он мог уже по своему собственному выбору получать любую другую, но общество всегда имело «право профотбора» – привлечения нужных специалистов при возникновении необходимости. Пройти профотбор было почётно.

Идея Муху понравилась. Ему самому претило рабское начало, заложенное в системе умного дома. Умный дом должен быть действительно умным, спутником, товарищем, а не просто лакеем «подай-принеси-убери», дом и его обитатели должны быть достойны друг друга.

Слушая Муху, я подумал, что во многом идея близнецов была навеяна общей атмосферой их времени. Как раз в те годы земляне окончательно оставили навязчивые идеи отправиться на покорение Дальнего Космоса, потому что здоровье человека зависело от Земли гораздо сильнее, чем он мог предполагать. Человек пока мог только беспрепятственно осваивать околоземное пространство, строить там орбитальные города и покидать его только на очень короткое время полётов до Луны и до Марса. К тому же прокатившиеся по планете катаклизмы заставили людей прекратить своё варварское отношение к ней и заняться, наконец, своим природным домом. На фоне этого получили развитие всякие исследования феномена времени, теория пространственных складок и временных проколов для попадания в иные пространства. Изобретательные близнецы захотели иметь дом, открытый в те времена, когда было чистое знание, чтобы оттуда оно лилось к ним в головы. Они быстро себе уяснили, что Вебсик не просто искал информацию по их запросам, он имел доступ к этому самому знанию, благодаря которому знал, где искать.

После недельных размышлений и перебора вариантов, Муху пришла в голову мысль попросить Вебсика определить требования к дому, в котором он, Вебсик, хотел бы жить в компании близнецов. К его удивлению, ответ был получен. При взгляде на него сразу стало ясно, что ждать такого от рядового умного дома просто не реально. Он рассказал всё это близнецам, а те почти мгновенно выдали идею переписать систему.

Идея была, строго говоря, незаконная, потому что настройкой систем умных домов занимались только сертифицированные агентства. Всякая самодельщина пресекалась СБ, за этим

строго следили. Кроме того надо было написать прошивку, что само по себе требовало высокой квалификации. А с такой, какую обозначил Вебсик, и суперпрофессионал бы не справился. Но близнецы уже «завелись».

– Я не вдавался в философские «дебри» идеи близнецов, – продолжал тем временем рассказывать Мих, – ухватил оттуда только то, что живые и неживые объекты различались различием в скрутке информационных полей, которые они создавали. В живых объектах информационные поля были чем-то вроде поверхности Мёбиуса, они были направлены одновременно и в сторону материального мира, и в сторону «энерго-информационного» мира бытия. В неживых такой скрутки не было, там между мирами была преграда. А живые объекты, особенно человек, с помощью подсознания могли эту преграду преодолевать для получения нужных энергий и информации. Вебсика они считали порождением «энерго-информационного» мира, которому для жизни тут нужны наши материальные информационные системы определённого уровня сложности, например, суперкомпьютеры, мегаинформатории, умные дома... Вот они и захотели поднять функционал своего умного дома, чтобы уровень его сложности был достаточен для Вебсика. Вебсик мне дал ссылку на какое-то обновление, я просто скачал его в доступный дому репозиторий и дом оттуда сам, не заметив никакого подвоха, обновился. Я уже уезжал на профотбор, поэтому оставил близнецам инструкцию, дальше они всё делали сами, что именно – мне неизвестно.

– Эту твою инструкцию дом нам показал уже, – сообщил ему Борис. – Впечатляет, конечно. Мих, а профотбор ты как прошёл?

– А это отдельная история, – покачал головой Мих. – Я был уверен в том, что рекомендуют один из колледжей по информатике, нейросенсорным системам, робототехнике. И вдруг не прохожу тесты. Чуть какая-то... Предложили временную профессию – агентом. Домики продавать. Вот и продаю.

– Да ты не простые домики продаёшь, – сказал вдруг Эдик. – Ты продаёшь домики, в которых может жить Вебсик.

– Да, – спокойно согласился Мих. – Я его агент.

Я ожидал, что за этим заявлением последует взрыв ребячьих эмоций, но было тихо. Все молчали.

– То есть ты знал особенности этого дома, но не сообщил покупателю? – спросил я.

– У вас есть две недели, – пожал плечами Мих. – Если вам плохо и не интересно или ещё что-то не так, то вы можете отказаться, и вам всё вернут обратно. По закону. Потом – по договорённости с нашим агентством. Вы ничем не рискуете, поверьте. Дом вас принял, вы можете в нём жить. Если бы он не принял, то вы бы уехали из него на следующий день.

А вы даже узнали про Вебсика. Это доверие.

Я обвёл глазами присутствующих за столом. Все сидели странно прямо и сосредоточенно смотрели в его центр, где лежали рюкзак, ошейник и бумаги. Вдруг перед моими глазами возник серый туман, и я почувствовал, как заложило уши и «повело» голову. Но быстро всё прошло, туман рассеялся. Мы сидели перед тем же столом, только ребята были гораздо старше, на них и на мне были какие-то белые накидки из матовой ткани, на головах у всех были тонкие обручи с зелёными кристаллами. Так одет был даже Пусь, чинно сидевший на стуле рядом с Владой. Перед ним лежал экран ридера. Она посмотрела на меня своими большими тёмными глазами и серьёзно сказала:

– Все в сборе? Тогда начнём. Слово для выступления имеет Пусь с планеты Собакис...

Я энергично потряс головой. Наваждение исчезло. Видимо на моём лице в тот момент что-то такое было, поскольку я сразу увидел сбоку обеспокоенное лицо Влады и ощутил в ладони её тонкие пальцы.

– Что случилось? – тихо спросила она.

Сидевший у неё на коленях «представитель планеты Собакис» принялся вылизывать мой локоть. Выступать он явно не собирался.

– Да померещилось тут, – так же тихо ответил я, осторожно и благодарно пожимая её руку. – Потом как-нибудь расскажу.

Влада совсем по-взрослому смотрела на меня. Остальные ничего не замечали, Мих каким-то «искусственным» взглядом уставился на стену между окнами. Там висела видеокартина с морским пейзажем в сделанной под старину резной позолоченной раме. Прибой на ней то и дело беззвучно бился о скалы, поднимая облако брызг. «Робот этот Мих, что ли?» – вдруг подумалось мне. Я повернулся к Владе, невольно любясь её неожиданным взрослением и понимая нутром, что мир уже изменился и мне надо понять и принять его новую реальность, в том числе и эту, вдруг совершенно иную, юную особу, всего несколько дней назад прилетевшую ко мне девочкой-подростком на коптере за своей собакой, эту компанию её ребят, Миха, этот дом... Почти полвека моей жизни куда-то растворилось, всё заново, как в детстве, всё опять неизвестно и впереди. Надо ли? Я не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.